

А.Г. Дьяченко (Белгород), В.К. Михеев (Харьков)

Древнерусский археологический комплекс XII–XIII вв. у с. Гайдары (Змеев курган)

В 1993 г. Славяно-русская археологическая экспедиция Харьковского государственного института культуры (ныне академия культуры) с участием студентов-практикантов (рук. М.В. Любичев) Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета им. А.М. Горького (ныне национальный университет им. В.Н. Каразина) продолжала изучение славянских древностей юго-восточной окраины Киевской Руси. Для стационарных исследований было избрано давно известное, но археологически малоизученное поселение у с. Гайдары Змиевского района Харьковской области [Дьяченко 1993].

История изучения городища. Памятник впервые обследовали в 1927 г. А.С. Федоровский и Н.К. Фукс, однако результаты их работы практически не получили отражения в литературе [Луцкевич 1948, 170]. Как селище древнерусской культуры X – XIII вв. поселение впервые описал в 1953 г. Б.А. Шрамко [Шрамко 1953, 21 – 22]. В отчете вместе с находками гончарной древнерусской керамики отмечены невыразительные фрагменты лепной посуды предположительно скифского времени. К северу от селища, на возвышенности, отделенной оврагом, были выявлены остатки погребения, что позволило автору высказать мысль о наличии здесь древнерусского бескурганного могильника. В 1955 г. исследователь снова собрал на памятнике древнерусскую керамику IX – XIII вв. и закончил съемку плана. К сожалению, план к отчету не приложен [Шрамко 1955, 4]. В книге, изданной в 1962 г., Б.А. Шрамко говорит о «городище Гайдары со следами древнерусского поселения IX – XIII вв.» [Шрамко 1962, 296]. В 1970 г. исследователь уже вполне определенно интерпретирует памятник как древнерусское городище [Шрамко 1970, 19 – 20].

В 1975 г. С.А. Плетнева публикует сведения Б.А. Шрамко о наличии возле г. Змиева разрушенного распашкой укрепленного поселения XII в. и использует последнее для объяснения исторической географии Половецкой земли. По мнению С.А. Плетневой, небольшое городище у с. Гайдары можно отождествлять с половецким городом Балин, взятым русскими дружинами во время похода «на Дон» в 1116 г. [Плетнева 1975, 270 – 271].

«Справочник по археологии Украины. Харьковская область», подготовленный под руководством Б.А. Шрамко, дает первые конкретные сведения о наличии с напольной стороны памятника сильно распаханного вала. В этом издании поселение у с. Гайдары отнесено к кругу древнерусских городищ X – XIII вв. [Шрамко и др. 1977, 73].

В сводном картографическом труде ИА АН УССР объект описан в основном по данным разведок Б.А. Шрамко. Отмечены очень распаханный напольный вал, а также находки «исключительно древнерусской керамики». По непонятным причинам составители опустили сведения о наличии в культурных отложениях памятника лепной керамики. Поселение интерпретировано (со знаком вопроса) как селище [Древнерусские поселения...1984, 170].

В последующие годы городище привлекало внимание А.В. Крыганова, М.И. Саяного и В.В. Дидыка, однако проведенные ими работы также не исчерпали многих важных вопросов (топография, вид поселения, характер оборонительной системы, датировка и др.)¹.

Местоположение, топография и планировка городища. «А ниже Мжа на Донце, с Крымской стороны, Змеево городище, а Змеев курган тож, от Мжа версты з 2» [Книга...1950, 74]. Относительно современных ориентиров «Змеево городище» расположено в 2,2 км к югу от г. Змиева, в 120 м к северо-западу от моста через Северский Донец. Поселение занимает узкую полосу вдоль северо-восточного края обширного мысообразного склона глубокой долины правого берега Донца, удаленного от русла реки на 200 – 250 м. Максимальная относительная высота плакора над поймой около 52 м.

В структуре памятника выделяются собственно крепость, неукрепленное селище-спутник, непосредственно прилегающее к крепости, и грунтовый могильник (рис. 1).

Разведочные работы на территории крепости. Крепость занимает северо-восточный отрог мысообразной части склона речной долины, образованный берегом и узкой приводораздельной долиной Ралячий яр глубиной 10 – 11 м. Западный склон долины прорезан оврагами. Отрог, как и весь береговой склон, сложен из аллювиальных песков.

Судя по лучше сохранившимся деталям рельефа, отрог имел форму узкого треугольника и плавно понижался в северо-восточном направлении (см. рис. 1). Относительная отметка площадки над уровнем поймы Донца 25 – 27 м. Городище повторяло конфигурацию отрога и благодаря этому имело с западной и восточной сторон хорошую естественную защиту. Крутизна балочного склона достигает 30°, берегового — 25 – 27°.

Северо-восточная сторона отрога, его стрелка, несет выразительные следы четырех подрезок склона. Ширина площадок эскарпов 1,5 – 2 м, высота около 1 м. Вторая, третья и четвертая площадки, считая от подошвы, были усилены рвами шириной 2 – 3 м. Современная глубина рвов незначительная (около 0,5 м), однако выступают они вполне отчетливо.

С северо-западной стороны городище сильно разрушено эрозией Ралячегояра. Береговой склон, особенно в верхней части, очень размыв и по всей длине перерезан узкими горизонтальными террасами, на которых растет густой смешанный лес.

¹ Материалы, полученные этими исследователями, хранятся в фондах АМ Харьковского университета и Змиевского районного краеведческого музея.

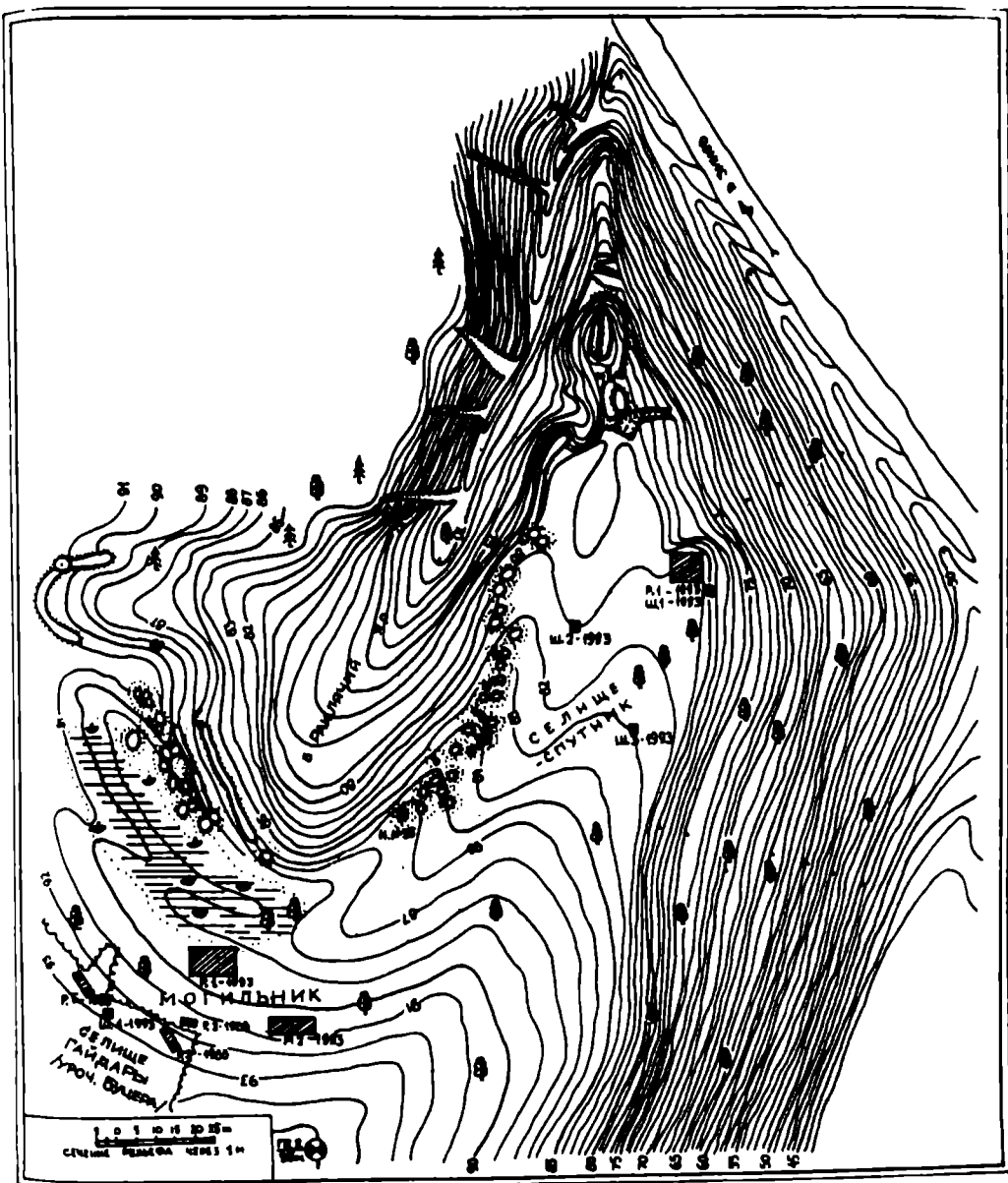

Рис. 1. «Змеево городище» у с. Гайдары. Съемка А.Г. Дьяченко. 1993 г.

В ходе противозрозийных мероприятий площадка крепости подверглась сильной техногенной переработке. Защищавшие ее с южной (напольной) стороны вал и ров были почти полностью снивелированы. Сохранившийся в юго-восточном углу городища фрагмент вала имеет длину поперек площадки до 2 м, ширину в подошве 5 м, высоту 0,6 м. Насыпан вал из песка. Ров прослеживается в виде выемки глубиной 0,5–0,8 м, шириной 4 м. Восточный фланг рва переходит в молодую лощину, западный упирается в склон балки.

Размеры сохранившейся части площадки: длина по линии север — юг, т. е. между оконечностью отрога и остатком вала, приблизительно 27 м, наибольшая ширина 8 м. Поверхность ровная, задернованная, свободная от деревьев. Следы распушки не прослеживаются. Северный и восточный края площадки заканчиваются обрывом глубиной до 1,3 м.

Для выяснения стратиграфии и мощности культурных отложений крепости в ее центре был заложен шурф № 1 размерами 1,0x1,5 м. Шурф доведен до глубины 1,4 м. Под слоем дерна толщиной 0,1 м находился пласт перемешанного белого и серого рыхлого песка мощностью 0,6–0,9 м без каких-либо культурных включений. Под этим песком залегал плотный оподзоленный песчаный слой толщиной 0,2 м ярко выраженной черной окраски, содержащий большое количество угольков. Показательно, что данный слой имеет тот же азимут падений, что и площадка крепости, то есть в сторону севера. Из заполнения углисто-золистого слоя извлечены две стенки древнерусских гончарных сосудов и кость. Ниже обнаружен белый материковый песок.

Выявленная в шурфе стратиграфия свидетельствует о перепланировке поверхности городища, в результате которой древний оподзоленный слой был погребен под толщей насыпного песка. Последний происходит скорее всего из разрушенного вала.

Раскопки селища-спутника. Непосредственно за рвом крепости начинается территория селища-спутника, почти полностью покрытая лесом и кустарником (см. рис. 1). Западный и восточный края площадки слегка приподняты и имеют относительную высоту над поймой 35–37 м. Средняя часть представляет собой мелкую вытянутую ложбину, служащую руслом для стока талых и дождевых вод в направлении общего понижения рельефа на север. Западный край выходит на балочный склон и местами подвергся эрозии. Во избежание обвалов этот край в 60-х годах укрепили невысокими курганообразными насыпями и обваловкой, для возведения которых был частично использован культурный слой селища.

Определить размеры поселения сложно, так как его поверхность прочно задернована. Судя по наличию культурного слоя под крайней курганообразной насыпью (№ 35), расположенной почти у самой вершины Раклячего яра, а также в самом южном шурфе № 3, в длину селище простиралось не менее чем на 130 м. Ширина в направлении З–В достигает перед рвом 40 м, перед насыпью № 35 — 65 м. На селище заложены три шурфа и один раскоп.

Шурф № 1 находился на удалении 43 м от вала и в 7 м от бровки берегового ската. Размеры 2x2 м. Доведен до глубины 1,0 м. Характеристика культурного слоя и полученного материала дается ниже вместе с характеристикой материалов раскопа.

Шурф № 2 выкопан приблизительно в средней части селища. Размеры 2х1,5 м, глубина 0,9 м. Культурный слой не выявлен. На глубине 0,2–0,4 м в сером песке найдены фрагмент венчика древнерусского гончарного горшка (рис. 2, б) и кость животного.

Шурф № 3 заложен в 12 м от восточного края площадки. Размеры 2х2 м, доведен до глубины 0,7 м. На глубине 0,4–0,6 м под дерном и насыпным песком выявлен слабогумусированный песчаный культурный слой слабой насыщенности мощностью 0,15–0,20 м. Из слоя извлечены три фрагмента венчиков (рис. 2, 1,4,5) и две стенки древнерусских гончарных горшков. Венчики орнаментированы по плечу семечковидным орнаментом.

Раскоп № 1—1993 был прирезан к шурфу № 1. Размеры 8х8 м, площадь 64 кв. м. Стратиграфия: 0–0,2 м — дерн; 0,2–0,4 м — среднегумусированный, частично оподзоленный песок черного цвета (культурный слой); 0,4–0,8 м — серый песок (погребенная почва); с 0,8 м — материковый песок. Культурные отложения наиболее четко выступали в северо-восточном углу раскопа (шурф № 1). Остальная часть вскрытой площади оказалась практически пустой. Распределение находок по пластам показано в табл. 1.

Таблица 1

Распределение находок по глубине раскопа № 1—1993
на селище-спутнике

Вид матер. Глубина (м)	Гончарная древнерусс. керамнка	Лепная керамика	Кости животных	Обмазка стен построек	Камни песчаника	Шлак кузнеч ный	Итого
	3		3		1		7
	194 + 72	14 + 2	10 + 11	70 + 32	5 + 2		412
	9	1	1	1	3	1	16
	6				2		8
	5						5
Всего	20	17	25	103	13	1	

Примечание. Таблица 1 обобщает материалы шурфа № 1 и собственно раскопа. Жирным начертанием выделены находки в шурфе.

Данные таблицы свидетельствуют о концентрации культурных остатков на глубине 0,2–0,4 м. Именно с этой глубиной связан и гумусно-зольный культурный слой.

Собранная керамика в основном круговая, древнерусская (рис. 3). Она представлена кухонными горшками средних размеров, изготовленными из теста с примесью песка. Почти у всех фрагментов цвет поверхности черный. Прокал обычно сквозной, хотя встречались и черепки, слоистые в изломе. Материал сильно измельчен, о формах сосудов можно судить только по нескольким более

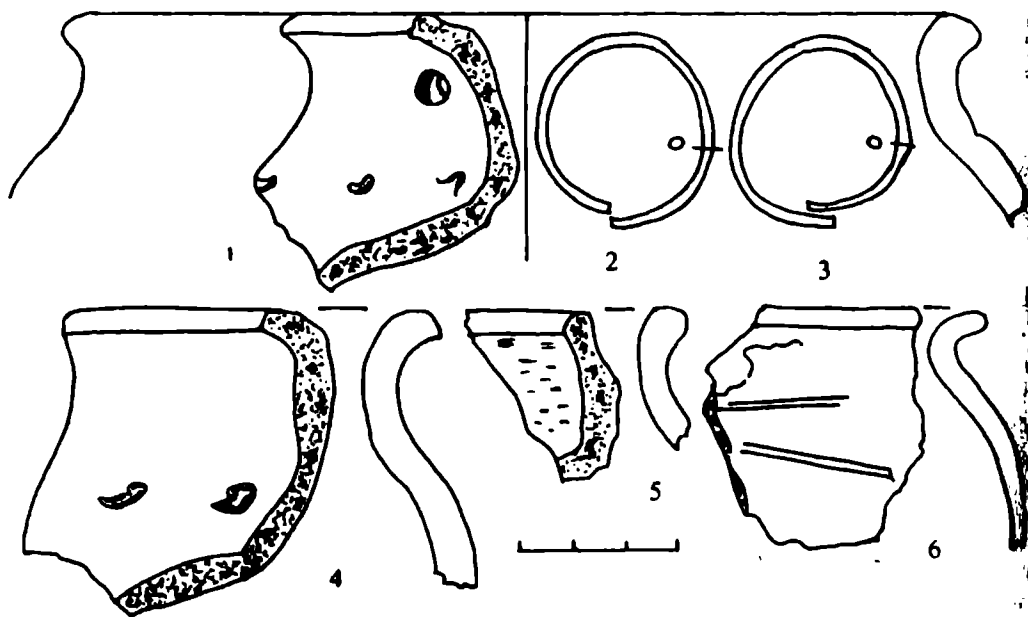

Рис. 2. Городище у с. Гайдары

- 1, 4–6 — древнерусская гончарная керамика из селища-спутника;
2, 3 — серебряные височные кольца (могильник, погр. № 4 (1988))

крупным обломком. Обращает внимание слабопрофилированный сосуд близок к баночной формы (рис. 3, 13). Он выделяется грубой техникой изготовления и орнаментом в виде однорядной волнистой линии. Орнаментация остальной керамики — различные варианты линейного и волнистого узоров, а также зерновидные ямки по плечу и тулову. Венчики большинства горшков имеют характерный развитый облик, что позволяет датировать керамический комплекс раскопа XII — серединой XIII в. [Дьяченко 1988].

Найдено также 17 мелких фрагментов лепных сосудов неясной культурной принадлежности. В их тесте заметна примесь песка и мелкого шамота.

Картина, зафиксированная в шурфах и в раскопе, показывает, что сплошной культурный слой на селище-спутнике отсутствует. Напластования залегают пятнами мощностью около 0,2 м и, вероятно, только возле жилых и хозяйственных построек. Последние, учитывая значительное количество обмазки в слое (но при отсутствии следов отопительных сооружений), могли быть легкими наземными сооружениями с глинобитными стенами. Дальнейшие исследования памятника целесообразно проводить раскопами большой площади, закладывая их ближе к восточному краю селища.

Раскопки могильника. Погребальный обряд остается одной из наименее изученных сторон материальной и духовной культуры древнерусского населения бассейна Сев. Донца. Могильники, выявленные в конце XIX — начале XX ст. возле Донецкого и Хорошевского городищ, в настоящее время находятся под заст

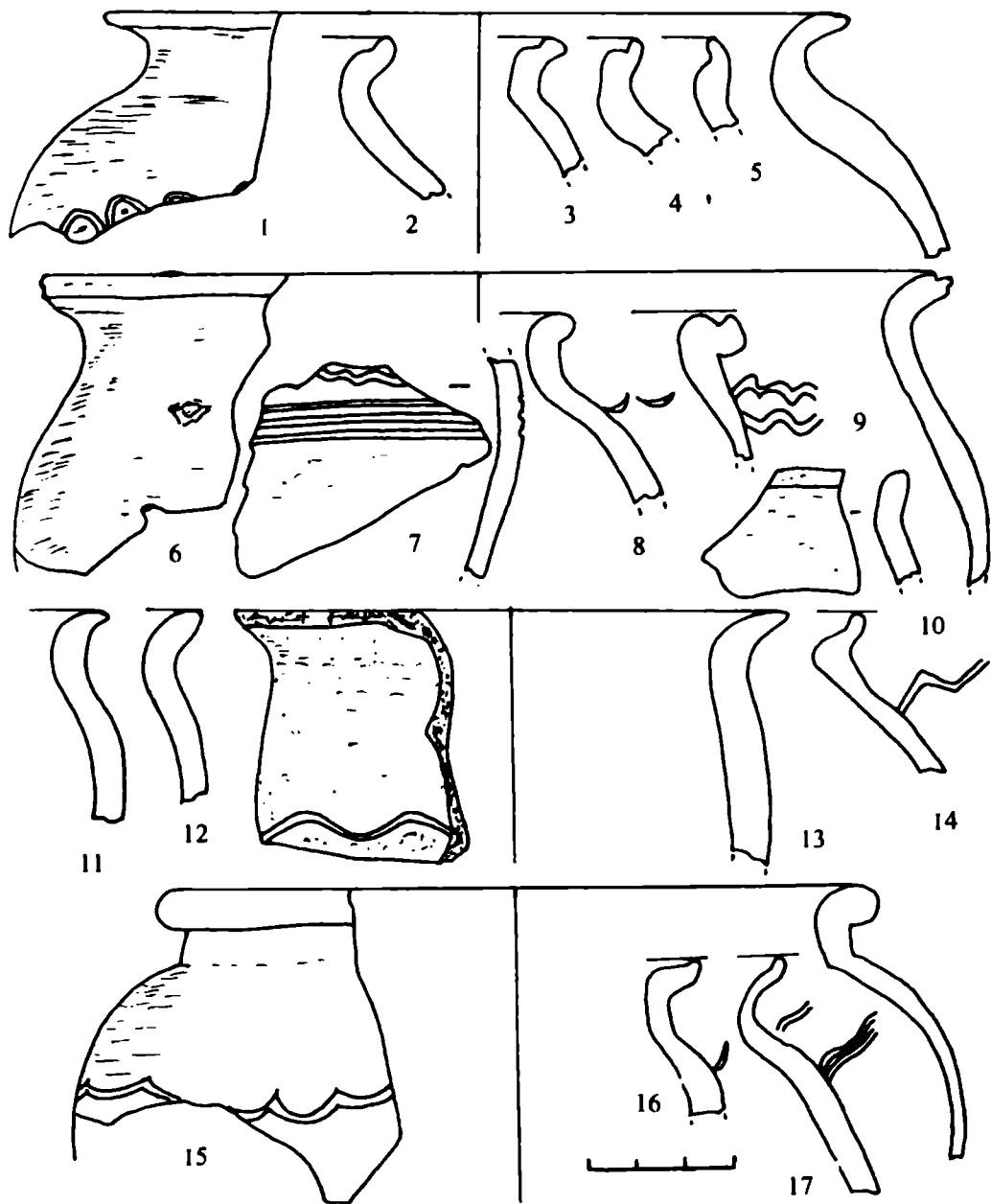

Рис. 3. Городище у с. Гайдары. Древнерусская гончарная керамика из раскопа 1—1993 на селище-спутнике

ройкой и недоступны для исследований. Поэтому раскопки могильника у с. Гайдары имеют особое значение.

Как уже отмечалось, это грунтовый могильник. Он занимает самую высокую, полностью покрытую лесом часть платообразной возвышенности, примыкающей с юга и юго-запада к вершине Раклячего яра (см. рис. 1). Территория могильника представляет собой практически ровную площадку размерами приблизительно 150x80 м, вытянутую в направлении СЗ — ЮВ. Высота над поймой Донца от 46 до 52 м. Плавное понижение поверхности площадки в южном, северном и западном направлениях почти незаметно. В то же время участок, занимаемый могильником, довольно хорошо выделен окружающим микрорельефом: с севера — естественным падением высоты к вершине Раклячего яра, перед которым под воздействием сточных вод образовалась неглубокая ложбина с болотистой растительностью; с запада — четко выраженным склоном правого берега пересохшей речки Буцеры (Байцуровки, Змейки); с востока — высоким и крутым склоном долины Донца. Только южная сторона могильника лишена естественной границы. Однако южный склон возвышенности под могильник не использовался. Это установлено тщательным осмотром имеющихся там многочисленных обнажений, а также шурфами, показавшими отсутствие в почве не только культурного слоя, но и разрозненных культурных остатков.

Южная окраина селища находится в 60 — 100 м от могильника. Разделяющая памятники территория характеризуется общим подъемом рельефа к югу. Расположение могильника на доминирующем участке микрорельефа, выше селища и городища, но в непосредственной близости от поселения является типичной чертой топографии древнерусских некрополей. Учитывая имеющиеся сведения о расположении других местных древнерусских могильников, данный признак можно считать установленным и для бассейна Северского Донца.

В двух раскопах на могильнике вскрыта площадь 144 кв. м. Стратиграфия раскопов существенно не различалась. Под дерном толщиной до 0,2 м находилась серая лесная песчаная почва мощностью 0,4 — 0,5 м, ниже ее залегал материковый песок серого или белого цвета. Погребения обнаруживались на глубине 0,2 — 0,4 м в серой почве. Контуры ям не прослеживались. Признаками, указывавшими на наличие погребения, служили трудноуловимые оттенки размытых песчаных пятен над костяками, перемешанность почвы, кротовины. Выявлено 4 древнерусских погребения (1 — 4) домонгольского времени.

Раскоп № 1—1993. Размеры 12x8 м. Площадь 96 кв. м. Заложен на северо-западном участке могильника, вероятно, на его окраине (см. рис. 1). Выявлено одно погребение.

Погребение 1. Показалось на глубине 0,2 м. Совершено на глубине 0,4 м. Подстилающая почва — серый песок. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, череп лицевой частью вверх. Погребенный был ориентирован головой на запад с отклонением 8 — 10° к югу. Кости ног вытянуты и слегка сдвинуты. Ступни разведены в противоположные стороны. Руки согнуты в локтях. Левая рука была положена на низ грудной клетки, правая — на живот. Длина скелета 1,8 м. Сохранность удовлетворительная. По форме нижней челюсти черепной коробки

можно судить, что в погребении была захоронена женщина². Возраст по степени облитерации черепных швов 30–40 лет, по степени стертости зубов 25–35 лет. Вокруг костяка на глубине 0,4–0,6 м найдены 2 мелких фрагмента лепной керамики, рыба чешуя, обломки древнерусской гончарной посуды.

В раскопе № 1—1993 обнаружено 183 древних предмета. Распределение их по глубине приводится в табл. 2.

Таблица 2

Распределение находок по глубине раскопа № 1—1993 на могильнике

Вид матер. Глубина (м)	Гончарная др.русс. керамика	Лепная керамика	Кости живот- ных	Кусочки обожжен. глины	Камни песчан.	Угли	Индивид. предм.	Итого
	5				2			7
	69	2	16	13	11	5	2	118
	34		4	8	10		2	58
Всего	108	2	20	21	23	5	4	

Как видим, подавляющая масса вещей была сосредоточена между отметками 0,2–0,4 м в серой почве. В интервале этих глубин находилась древняя дневная поверхность, с уровня которой опускались могильные ямы. Предметы залежали в основном разрозненно. Выявлено только одно пятно их концентрации — вокруг погребения 1. Таким образом, культурного слоя в раскопе не зафиксировано.

Древнерусская круговая керамика представлена мелкими обломками. По технологическим свойствам и формам она не отличается от керамики селищаспутника. О лепной керамике, выступающей всего в двух обломках, ничего определенного сказать нельзя.

Кроме фрагментов посуды, из песка извлечены небольшой кусок жернова, сделанного из конгломерата, часть точильной плиты из тонкодисперсного песка, массивный железный крючок с раскованным противоположным концом (рис. 4, 2). Обращает внимание редкая находка зонной бусы из черного стекла, инкрустированной пластичным орнаментом: красными и голубыми точками. Дата бусы — XII–XIII вв. [Щапова 1972, 88, 91, рис. 15, 11].

Необходимо оговорить находки кусочков обожженной глины. Однако не удалось убедиться, что они принадлежат обмазке каркаса стен или происходят от разрушенных печек.

Раскоп № 2 — 1993. Размеры 12 x 4 м. Площадь 48 кв. м. Выявлено 3 погребения.

Погребение 2. Показалось на глубине 0,4 м. Глубина 0,83 м. Подстилающая почва — белый материковый песок. Скелет лежал на спине в изогнутом положении, череп лицевой частью вверх. Нижняя челюсть черепа истлела, тлен смещен

² Половозрастные определения антропологического материала могильника выполнены А.Г. Дьяченко.

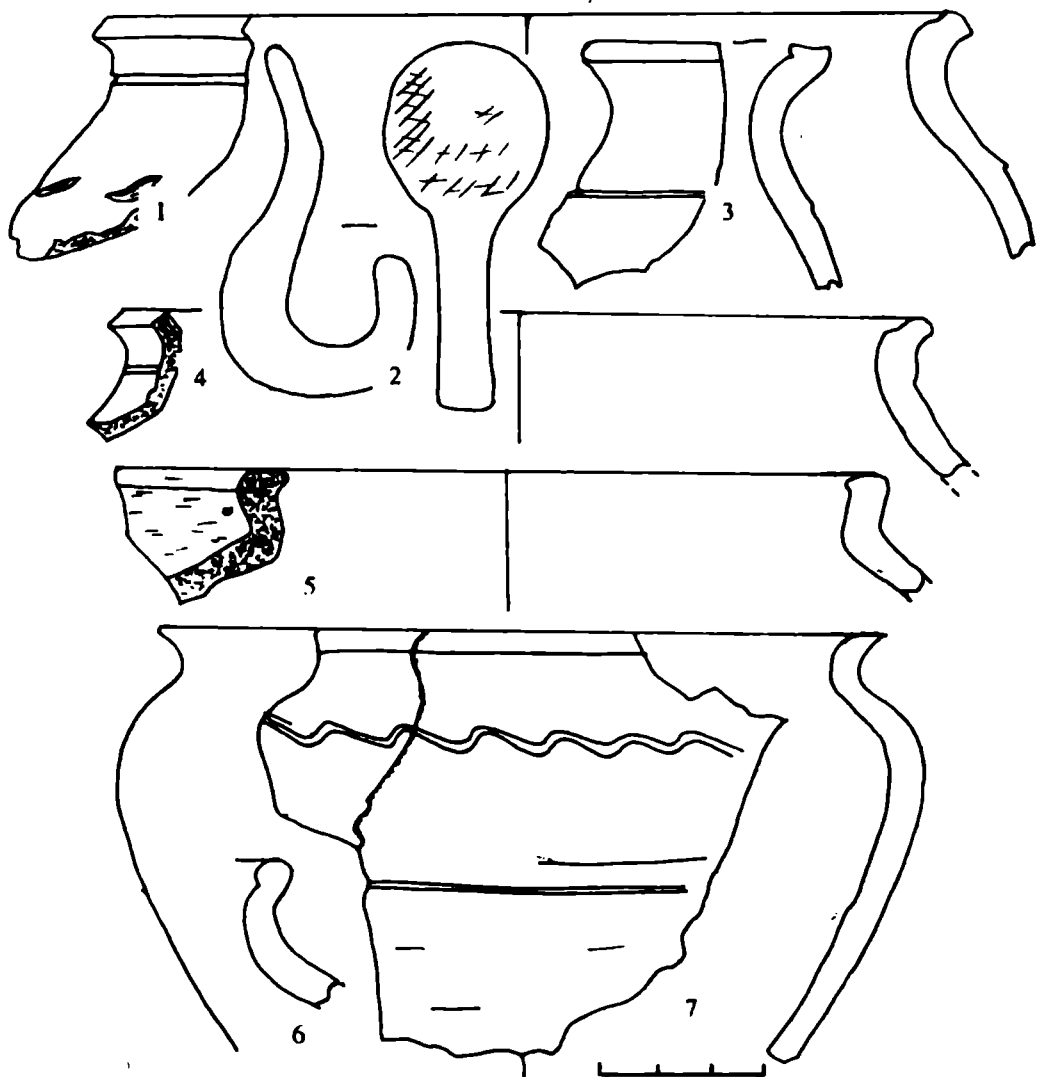

Рис. 4. Городище у с. Гайдары. Могильник. Раскоп 1—1993:

1,3—7 — древнерусская гончарная керамика; 2 — железный крючок

к левому плечу. Погребенный был ориентирован головой на запад. Кости ног вытянуты параллельно. Кости грудной клетки, рук и ступней почти полностью истлели. Приблизительная длина полного скелета 1,6 м. Возраст по степени облитерации черепных швов 40—50 лет.

Погребение 3. Показалось на глубине 0,3—0,4 м. Глубина 0,57 м. Подстилающая почва — серый песок. Верхняя часть скелета почти полностью истлела. По топографии черепной крышки и остатков посткраниальных частей видно, что погребенный был ориентирован головой на запад. Кости ног вытянуты параллельно

но, ступни отсутствуют. Длина скелета около 1,6 м. Степень облитерации черепных швов соответствует возрасту приблизительно 50 лет.

Погребение 4. Показалось на глубине 0,3–0,4 м. Глубина 0,53 м. Подстилающая почва — серый песок. Скелет полностью разрушен. На месте погребения найдены остатки черепной коробки в полуистлевшем состоянии, локтевая кость правой руки, крестцовая кость, 2 фрагмента большеберцовых костей ног. Материалы позволяют определить положение и ориентацию погребенного: он лежал на спине, лицом вверх, головой на запад.

На глубине 0,4 м расчищено скопление костей животных (пищевые отбросы). На этой же глубине в различных местах раскопа найдено 3 обломка древнерусских сосудов.

В 1988 г. небольшие самостоятельные работы на Гайдаровском археологическом комплексе произвел В.В. Дидык. Исследованный им участок лежит в полосе контакта платообразной возвышенности, на которой находится древнерусский могильник, и приводораздельного склона крутизной 3–4°, который является правым берегом р. Буцеры. Здесь было заложено 3 разведочных раскопа общей площадью около 27 кв. м, давших весьма важную информацию. В нашем распоряжении имеется графическая документация раскопок В.В. Дидыка, позволяющая кратко охарактеризовать полученные им материалы³.

Стратиграфия раскопов одинакова: 0–0,15 м — дерн; 0,15–0,5 м — сильно гумусированная песчаная черная почва (культурный слой); с 0,5 м и ниже — материковый песок.

Разведочный раскоп № 1—1988. Размеры 6х2 м, площадь 12 кв. м. В северо-западном углу расчищена приблизительно 1/4 часть большой овальной в плане ямы № 1, которая показалась при зачистке материка на глубине 0,5 м. Дно ямы находилось на глубине 2,5 м от дневной поверхности. В черном оподзоленном заполнении найдены кости животных, в т. ч. череп лошади, железистый шлак, гончарная древнерусская керамика.

В юго-восточном углу раскопа на глубине 0,5 м вскрыт угол большой ямы № 2, возможно являющейся котлованом жилища. Дно на глубине 1,2 м. Данных о заполнении нет.

Разведочный раскоп № 2—1988. Размеры 2,6х1,6 м, площадь 3,1 кв. м.

Погребение 1. Показалось с глубины 0,2–0,3 м, совершено на глубине 0,4 м в черной почве. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, череп лицевой частью вверх. Ориентирован головой на запад с отклонением 7° к северу. Кости ног вытянуты параллельно, ступни слегка сведены. Руки согнуты в локтях и положены на живот. Длина костяка 1,75 м. Сохранность удовлетворительная. Рядом с погребенным обнаружены кость и 2 уголька.

Разведочный раскоп № 3—1988. Размеры 5,7х2 м, площадь 11,4 кв. м.

Парное захоронение. Яма показалась на глубине 0,3 м. **Погребение 2** совершено на глубине 0,4 м в черной окультуренной почве. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, череп на боку, лицевой частью к северу. Ориентирован головой на запад. Кости ног вытянуты и сведены. Руки согнуты в локтях и положе-

³ Выражаем благодарность В.В. Дидыку за разрешение включить в публикацию материалы его раскопок.

ны на живот. Длина костяка около 1,5 м. Сохранность средняя. Погребение 3 совершено на глубине 0,5 м в черной почве. Скелет лежал на спине в вытянутом положении, череп на боку, лицевой частью к северу. Ориентирован головой на запад. Кости ног вытянуты параллельно. Локтевые кости и посткраниальная часть скелета до костей нижних конечностей истлели. Длина костяка около 1,8 м. На месте таза и под костями ног прослежен древесный тлен.

Погребение 4. Показалось с глубины 0,4 м, совершено на границе черной почвы и материка на глубине 0,5 м. Расчищена черепная коробка. Возле нее с двух сторон лежали 2 серебряных тонкопроволочных височных кольца с заходящими концами (рис. 2, 2,3).

Под северо-западным бортом раскопа выявлена большая хозяйственная (?) яма.

Сопоставление погребального обряда исследованного древнерусского могильника возле городища Гайдары с характеристиками грунтовых некрополей южных регионов Руси IX – XIII вв. [Моця 1990, 54, 58, 59, 65] показало их полную идентичность.

В 1990 г. А.Г. Дьяченко удалось бегло ознакомиться с коллекцией керамики из раскопок В.В. Дидыка. Помимо древнерусской гончарной посуды, в выборке имелась весьма грубая неорнаментированная лепная керамика, содержащая значительную примесь шамота средней величины. В технологическом отношении эта керамика оказалась весьма близкой роменской, что и побудило одного из соавторов говорить, опираясь на находки, сделанные, по словам В.В. Дидыка, «на городище Гайдары», о выявлении на памятнике поселения роменской культуры [Дьяченко 1991, 27]. В настоящее время по ряду причин данный вывод следует признать ошибочным. Во-первых, как выяснилось, разведочные раскопы В.В. Дидыка вовсе не связаны с городищем. Во-вторых, изучение ситуации в поле, ознакомление с фондами Змиевского краеведческого музея и, наконец, детальная разведка и шурфовка участка в 1993 г. показали, что картина на месте нахождения Гайдаровского археологического комплекса в целом более сложная, чем представлялось до сих пор.

Береговой склон р. Буцеры, на который выходит юго-западный край древнерусского могильника, заселялся по крайней мере трижды. Об этом свидетельствует прежде всего подъемный материал, собранный на нем в разное время А.С. Федоровским, Н.К. Фуксом, М.И. Саяным и В.В. Дидыком. По имеющимся данным, наиболее древним является поселение позднего бронзового века (срубная культура); в раннем железном веке на его месте первоначально возникает селище лесостепной культуры скифского времени⁴, а позднее — поселение черняховской культуры. Последнее было зафиксировано в 1927 г. А.С. Федоровским и Н.К. Фуксом [Луцкевич 1948, 170]. В конце 80-х гг. гончарную черняховскую керамику на этом селище собрал В.В. Дидык. Встречена она (в мелких обломках) и во время осмотра памятника в 1993 г. К северскодонецкому варианту черняховской культуры относится также лепная керамика, обнаруженная В.В. Дидыком в небольших разведочных раскопах 1988 г.

⁴ Подъемный материал эпохи поздней бронзы и скифского времени хранится в фондах ЗРКМ. Важно подчеркнуть, что выразительный комплекс скифского типа выявляет также А.В. Крыгановым в разведочной траншее 1990 г., заложеной несколько выше склона, вблизи западного края древнерусского могильника.

Во время разведок 1993 г. территория склона находилась под посевами. Это помешало определить границы селища, однако ясно, что его северо-восточный край проходил немного выше нынешней кромки леса, то есть в пределах узкой полосы контакта берега и плато. Многослойное поселение на правом берегу р. Буцеры, ставшее известным благодаря разведкам А.С. Федоровского и Н.К. Фукса еще в конце 20-х годов прошлого века, целесообразно именовать селищем *Гайдары-1* (уроч. Буцера).

Для выяснения характера и мощности культурных напластований, а также проверки материалов В.В. Дидыка на селище Гайдары-1 (уроч. Буцера) между разведочными раскопами № 1 и № 3 (1988) был заложен шурф № 1—1993 размерами 2х2 м. Его стратиграфия: 0—0,2 м — дерн; 0,2—0,6 м — сильно гумусированный песок черного цвета (*культурный слой*); 0,6—0,8 м — белый материковый песок. Из культурного слоя получены 53 куска глиняной обмазки, в т. ч. с отпечатками прутьев, 3 стенки лепных сосудов с примесью среднего и крупного шамота, 3 кости животных, 2 камня песчаника.

По структуре, цвету, степени насыщенности и материалу культурный слой селища Гайдары-1 (уроч. Буцера) существенно отличается как от почвы могильника, так и от напластований крепости и селища-спутника. Лепная керамика шурфа № 1—1993, заложенного на селище Гайдары-1 (уроч. Буцера), по фактуре не соответствует лепной керамике, выявленной на селище и могильнике, примыкающим к древнерусскому городищу. Следовательно, вопрос о культурной принадлежности фрагментов лепной посуды, изредка встречающихся в древнерусских отложениях селища-спутника и могильника, остается открытым.

Древнерусский могильник городища Гайдары, несомненно, частично перекрыл край более раннего многослойного поселения, на что определенно указывают погребения раскопов 1988 г., совершенные в культурном слое. Возможно, именно этим обстоятельством следует объяснить тот факт, что древнерусская керамика, растянутая распашкой, изредка встречается на склоне вместе с керамикой бронзового и раннего железного веков. Разумеется, нельзя полностью исключать возможность существования на данном месте и самостоятельного древнерусского селища, на что как будто указывают ямы раскопа № 1—1988, однако для принятия последнего предположения данных недостаточно. Ямы вполне могут относиться и к могильнику, тем более что выявлены они на его окраине.

«Змеево городище» и позднесредневековый город Змиев. Основателем современного г. Змиева — одного из первых городов Слободской Украины — нередко считают казацкого атамана Кондратия Сулиму, отряд которого, по сведениям И.И. Срезневского [Срезневский 1839, 215], в 1640 г. разбил на р. Мже татарскую орду хана Аксака, после чего построил там небольшую крепость. К сожалению, И.И. Срезневский, не сообщает, где именно на Мже была поставлена крепость и как она называлась, поэтому приведенный им факт не имеет прямого отношения к выяснению вопроса о месте и времени основания позднесредневекового Змиева. Кроме того, «казацкая» версия основания города противоречит некоторым документированным историческим данным, в частности, цитированному выше тексту «Книги Большому Чертежу» (1627). Последний источник ясно говорит о существовании на правом берегу Северского Донца старого «Змеева городища», отноше-

ние которого к истории нынешнего города, учитывая совпадение названий и топографическую близость, нельзя оставлять без внимания и объяснения.

Описанная в «Книге Большому Чертежу» локализация «Змеева городища» точно соответствует местоположению древнерусского поселения у с. Гайдары. Это было небольшое, но достаточно надежно укрепленное городище мысового типа, которое защищалось естественными и искусственными препятствиями. Кроме того, с запада крепость была дополнительно прикрыта довольно широкой в то время речкой Буцерой (Байцуровкой, Змейкой), которая затрудняла нападение противника с напольной стороны.

Помимо незначительных размеров площадки, что вынуждало жителей селиться, несмотря на постоянную опасность, за валом и рвом крепости, особенностью памятника является отсутствие признаков постоянной продолжительной жизни, которые обычно проявляются в наличии мощного, хорошо насыщенного культурного слоя и плотной застройке. Именно такого слоя, как и остатков долговременных жилищ или хозяйственных сооружений, на поселении не выявлено. Изложенное дает основание считать городище Гайдары своеобразным укрепленным поселением исключительно военного характера, а именно — **сторожевым пунктом** на юго-восточной окраине Руской земли, выдвинутым для наблюдения и охраны определенного участка русско-половецкой границы. В крепости могли жить небольшие, периодически сменявшиеся группы людей — так называемые сторожи. Вероятно, в задачу местной сторожи в первую очередь входили охрана брода через Донец, находившегося напротив крепости, а также обязанность предупреждать население ближайших древнерусских городов-крепостей, расположенных выше по Донцу и Удам (Хорошево, Донецкое, Мохнач и др.), о приближении кочевников. Средством оповещения служили, по-видимому, сигнальные костры, от которых обычно остаются только зольные слои типа тех, которые выявлены в крепости и на селище-спутнике.

Археологические материалы, полученные на селище и могильнике в 1993 г., позволяют датировать памятник главным образом XII — серединой XIII в. Однако среди керамики, собранной Б.А. Шрамко, есть и формы, характерные для послемонгольского периода, свидетельствующие, что жизнь здесь продолжалась и после татаро-монгольского нашествия.

Важно подчеркнуть, что в «Книге Большому Чертежу» городище выступает также под названием «**Змеев курган**». Ничего необычного в этом нет, поскольку хорошо известно, что в первоначальном значении тюркское слово «курган» являлось синонимом славянского слова «городище», точнее, «укрепление». Вероятно, данное слово использовалось местным этнически смешанным населением⁵ наря-

⁵ В фондах Змиевского краеведческого музея хранится пара бронзовых серег с серебряными пуговыми биконическими подвесками, найденных в погребении 13, которое в 1990 г. исследовал А.В. Крыганов в траншее на юго-западной окраине могильника. Вещи являются характерными украшениями степных типов и по сопутствующему материалу кочевнических погребений датируются XII в. [Летнева 1981, 216]. В 1991 г. А. В. Крыганов выявил на могильнике также погребение с вытянутым вдоль тела руками — признаком, свойственным не только русским [Моця 1990, 58], но и кочевническим захоронениям [Летнева 1981, 218]. Приведенные факты в определенной степени могут свидетельствовать о проживании в крепости в XII — XIII вв. выходцев из Степи.

ду со словом «городище» и благодаря этому попало на страницы отечественного географического труда начала XVII в. Собственно топоним «Змиев» является, возможно, калькой названия половецкого города Шарукань (из тюрк. *сазаган* — «змей, дракон») [Поспелов 1999, 91; ср.: Плетнева 1975, 270–271; Плетнева 1981, 221].

Что же касается позднесредневекового Змиева, то, как показал в специальном исследовании В.П. Загоровский, этот город был основан в устье р. Мжи русскими ратными людьми во главе с воеводой Иваном Ржевским в 1656 г. [Загоровский 1980, 68]. Вполне естественно, что он получил имя своего исторического предшественника, память о котором хранили народная традиция и такой официальный источник, как «Книга Большому Чертежу». Остатки Змиевской крепости второй половины XVII в. в виде почти полностью разрушенного городища в настоящее время находятся в исторической части районного центра.

Таким образом, древнерусское городище у с. Гайдары («Змиево городище») является остатками пограничной сторожевой крепости XII–XIII вв. Курского удела Черниговской земли и лежит у истоков истории современного украинского города Змиева.

Литература

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984. С. 196.

Дьяченко А.Г. Источниковедческий анализ древней керамики с применением методов математической статистики. Белгород, 1988. С. 91.

Дьяченко А.Г. К истории заселения юго-восточных окраин Руси в 12–16 вв. // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья / Тезисы докладов и сообщений 2-й межвузовской научной конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Воронеж, 1991. С. 26–27.

Дьяченко А.Г. Отчет о полевых исследованиях Славяно-Русской археологической экспедиции Харьковского государственного института культуры в 1993 г. Архив ИА НАН Украины.

Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 238.

Книга Большому Чертежу. Под ред. К.Н. Сербиной. М. – Л., 1950. С. 229.

Луцкевич І. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області // Археологія. Т. II. Київ, 1948. С. 164–178.

Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990. С. 156.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 213–222.

Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 260–300.

Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. М., 1999. С. 222.

Срезневский И.И. Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию // Харьковские губернские ведомости. 1839. № 31. Прибавления. С. 208–216.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962. С. 404.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Северо-Донецкой скифской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1955 г. НА ИА НАНУ. № 55/34. С. 31.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-Славянской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1953 г. НА ИА НАНУ. № 53/19. С. 31.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-Славянской археологической экспедиции ХГУ в 1970 г. НА ИА НАНУ. № 70/70. С. 27.

Шрамко Б.А., Михеев В.К., Грубник-Буйнова Л.П. Справочник по археологии Украины Харьковская область. Киев, 1977. С. 154.

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 215.

